

Челтыгмашева Лариса Викторовна

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КОНЯ В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ

В статье рассматривается художественное освоение национальными писателями образа коня, который является одним из основных слагаемых национальной модели и картины мира алтайцев, тувинцев, хакасов. Основное внимание автор уделяет выявлению как типологически сходного, так и своеобразного в творческом воплощении образа коня в романах алтайца Э. Палкина "Алан", тувинца М. Кенин-Лопсана "Стремнина Великой реки", хакаса Н. Доможакова "В далеком аале".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/56.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 203-206. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

15. Ульман С. Стилистика и семантика // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1980. Вып. IX. Лингвостилистика / сост. и вступительная статья Л. Гальперина. С. 227-253.
16. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. М.: КомКнига, 2010. 336 с.
17. Щепин А. Г. О лексической контаминации // Русская речь. 1978. № 5. С. 66-69.
18. Эпштейн М. Н. Типы новых слов: опыт классификации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grammar.ru/KOL/?id=1.32> (дата обращения: 15.12.2012).
19. Эпштейн М. Н. Дар слова [Электронный ресурс]: еженедельный лексикон Михаила Эпштейна. URL: <http://subscribe.ru/catalog/linguistics.lexicon> (дата обращения: 06.10.2013).
20. Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования: уч. записки Ташкентского университета. Ташкент: Изд-во Ташкентского ун-та, 1975. Вып. 1. С. 143-152.

CONTAMINATION AS MAIN METHOD OF WORD CREATION

Tsyganova Natal'ya Dmitrievna
Katanov Khakassia State University
nat-li_74@mail.ru

The article is devoted to the analysis of lexical neologisms of special "word creation" Internet-sites: "Gift of Word", "Content of Words", "Neologism of the Year" from the point of view of structural-semantic approach. The material research of the mentioned sites allows concluding about the fact that the leading method of words formation at word creation Internet-sites is the contamination and its types. This word creation has a playing character and as a rule has the expressive-evaluating stylistic nuance. It indicates about traditional ironic attitude of the Russians to the reality, and also about artistic potential and liberty of verbal behavior.

Key words and phrases: contamination; application; overlapping; amalgamation; composition; word creation; occasional word.

УДК 82.091

Филологические науки

В статье рассматривается художественное освоение национальными писателями образа коня, который является одним из основных слагаемых национальной модели и картины мира алтайцев, тувинцев, хакасов. Основное внимание автор уделяет выявлению как типологически сходного, так и своеобразного в творческом воплощении образа коня в романах алтайца Э. Палкина «Алан», тувинца М. Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки», хакаса Н. Доможакова «В далеком аале».

Ключевые слова и фразы: литература народов Саяно-Алтая; образ коня; типология; этнопоэтическое своеобразие; художественные функции.

Челтыгмашева Лариса Викторовна, к. филол. н.

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
cheltygmasheval@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ КОНЯ В ЛИТЕРАТУРЕ НАРОДОВ САЯНО-АЛТАЯ[©]

По современной классификации национальных литератур народов России алтайская, тувинская, хакасская, шорская литературы образуют южно-сибирскую зону, которая вместе с восточно-сибирской зоной, объединяющей бурятскую, якутскую, юкагирскую литературы, составляют единую сибирскую региональную эстетическую общность. Регионо- и зонообразующими факторами здесь выступают языковая, культурно-бытовая, художественно-эстетическая, художественно-изобразительная общность, а также близость исторических судеб, обычаев, нравов, географических условий проживания народов [2, с. 37]. Но главной общей особенностью в создании литературных традиций алтайского, тувинского и хакасского народов, проживающих на территории Саяно-Алтая, является опора на образы, мотивы, эстетический опыт родного фольклора.

В освоении этнопоэтического богатства своего народа национальные писатели Саяно-Алтая активно обращаются к такому общему образу в эпосе тюркских народов, как образ коня. Р. Липец отмечает, что для эпоса тюрко-монгольских народов характерна героцентричность образа конного воина. Герой эпоса и его конь выступают как равноправные партнеры, конь «под стать батыру назван его крыльями, участвует вместе с ним в подвигах, является другом и советником, причем неподчинение коню нередко приводит героя к гибели для него ситуации» [5, с. 5]. В героическом эпосе алтайского, тувинского и хакасского народов поэтизированное родство героев с лошадьми также относится к общей древней традиции тюркоязычных народов. Связь богатырей с конями проявляется в названии самого эпоса, имени богатыря – «с таким-то конем такой-то богатырь», наличии мотивов происхождения героя от лошади, как в хакасском героическом сказании «Ай хуучин», общей судьбы близнецов – героини и лошади – в героическом эпосе «Алтын Арыг». Конь помогает своему хозяину добиться победы, защищает от врагов, предостерегает от опасностей, в сложных ситуациях дает мудрые советы [10].

Являясь в фольклоре одним из главных эпических образов, конь активно используется и в художественной литературе тюркских народов. В данной статье нам представляется весьма интересным исследовать способы

художественного использования образа коня в прозе писателей Саяно-Алтая, выявить типологически сходные черты и своеобразные особенности в творческой реализации образа коня в романах алтайца Э. Палкина «Алан», тувинца М. Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки», хакаса Н. Доможакова «В далеком аале».

Художественные функции коня сходны в алтайской, тувинской и хакасской литературах – национальные писатели в своих произведениях стараются обстоятельно отразить все то, что связано с конем, поэтизируют бег косяков, повадки лошадей, тяжелый труд табунщиков; конь используется в сравнениях, необходимых в описаниях окружающего мира, пейзажа, участвует в раскрытии характеров героев. Например, в первом хакасском романе Н. Доможакова «В далеком аале» (1960) течение реки Чобат сравнивается с разными нравами коней: с таежных гор «Чобат спрыгивает, как дикий конь», на равнине он напоминает «ленивую лошадь, которую все время нужно подстегивать» [3, с. 23]. В этой связи исследователь сибирских литератур К. Антошин указывал: «Яркие сравнения реки с волосяным арканом, с диким неукротимым конем и ленивой лошадью восходят к поэтике народного творчества хакасов, жизнь которых на протяжении целых столетий проходила в степи, верхом на коне» [1, с. 68]. Звезды также сравниваются с конями, кочующими в небе белым табуном. Подобные сравнения усиливают художественную выразительность текста, позволяют создавать национальное своеобразие картин окружающего мира.

В романе тувинца М. Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки» (1965) образ коня также выступает в качестве компонента арсенала художественных средств. Саадак, перед скачками вручая сынишке Чакпакжыку плеть, наказывает: «Кто на коне в день скачек сидит, тот не ребенок, а мужчина, запомни это! Чести моей не урони: ты упадешь – это я упал, значит» [4, с. 63]. Образ коня, используемый в сравнении, обретает здесь особое значение, становится ценностным ориентиром для подрастающего поколения – достойным своих предков мужчиной является тот, кто не падает с лихого коня.

Образ коня входит и в народные поверья. Например, в романе М. Кенин-Лопсана жена Саадака Сергекмаа считает, что пока Сарала с ними, болезни не коснутся детей, поскольку она знает, как говорят мудрые старики, дух, мол, хозяина в его добром коне. Поэтому она просит привязать к гриве отправляющегося на фронт коня Саралы алую ленту. «Это чтоб счастье наших детей с ним не ушло: пусть живут они много лет, пусть будет у них много друзей. А того бойца, что на Саралу сядет, пусть не коснется вражья пуля» [Там же, с. 198], – поясняет Сергекмаа. Или, в романе Н. Доможакова «В далеком аале» психологическое состояние Сагдая, вызванное тревогой в связи с поиском коней, отражается в его сновидениях – снятся ему кони, между тем по поверьям хакасов считается, что только наяву конь – друг, а привидится во сне – враг, много коней – много врагов.

Наряду с общими чертами в освоении образа коня в литературе народов Саяно-Алтая, в каждой национальной литературе наблюдается сугубо специфическая художественная реализация данного образа, свидетельствующая об этнопоэтическом своеобразии того или иного произведения. Образ коня функционально значим в раскрытии характеров героев романа Н. Доможакова «В далеком аале» – отца Пичона характеризует такое сравнение: «оскалив зубы, как табунный жеребец, зло сверкнув глазами, забрал в пятерню волосы Пичона и больно потянул» [3, с. 124]. В сознании дочери Польшинцева Зойки характер Тойона схож с нравом его коня: «И лошадь злая у него, и сам он злой» [Там же, с. 49]. Если в фольклоре конь – прежде всего эстетическая категория, являющаяся мерилем красоты, благородства, прекрасного, то в романе Н. Доможакова нрав коня становится похожим на характер хозяина: у положительных героев – добрые, прекрасные кони, и злые, агрессивные кони у отрицательных героев, отца Пичона и Тойона.

Обращение с конем – показатель душевных качеств положительных героев романа Сагдая и Сабиса. Эмоционально и экспрессивно изображен глазами Домны Соловый конь сына Сабиса: «Желтовато-серый конек выгибает шею, стрижет ушами, высоко несет точеную голову. Его ноги, кажется, загребают воздух. Круп лоснится, золотисто-белый хвост распушился, стелется чуть не по земле» [Там же, с. 62]. Некоторые эпитеты повторяются как в контекстах, связанных с точкой зрения Домны, так и в речи повествователя: «Распустив золотисто-седой хвост и держа его на отлете, лоснясь гладкими и круглыми боками и потряхивая гривой, на мягкой рыси вылетел из ворот Соловый» [Там же, с. 114]. Передача далекой от стандартных представлений точки зрения юного Сабиса, получившего Солового, мотивирует особый характер описаний, сближающих человека и окружающую природную среду: «Сабис улыбается всем встречным, улыбается облакам над головой, деревенским ласточкам, улыбается Соловому, который просит поводьев, и, конечно, самому себе» [Там же]. Юный Сабис, слившийся с конем Соловым в единое целое, для Н. Доможакова традиционен как герой эпоса.

В образе другого героя романа Сагдая Н. Доможаков воплотил черты характера степняка-хакаса: он как открытую книгу читает следы коней, при нападении врагов на табуны вступает в неравную схватку с вооруженными бандитами. Проведя половину из своих сорока восьми лет под открытым небом, Сагдай стал неотъемлемой частью окружающей природы. Природный мир наложил свой отпечаток на его сознание, внешний вид: искривленные постоянной верховой ездой ноги свидетельствуют о том, что вся жизнь Сагдая связана с конем. Если в фольклоре конь всегда красив, то в романе в описании коня Сагдая – трудяги Игреньки – заметно реалистическое изображение коня: «грива свалылась как потник, что подложен под седло», «в челку вцепилась колючая ветка бурьяна и торчит из нее уже который день, <...> седло на спину коня брошено небрежно, хлопает по ней, потому что ездук перестал следить, хорошо ли затянут ремень подпруги» [Там же, с. 134]. Такой же неприглядный, как у Игреньки, вид самого Сагдая: он высох и почернел, на всем лице – одни глаза, угрюмые, неулыбчивые. Неужженный конь и его хозяин объясняется тем, что Сагдай сутками, не слезая с лошади, занят поиском угнанных бандитами коней. Найти коней – дело чести для Сагдая, чтобы люди из рода бая Хапына не толковали о нем вкривь и вкось. И конь, и его хозяин подчеркнуты автором, как труженики, доведенные баем до такого состояния.

Особенно удачен образ коня в первом тувинском романе М. Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки», в котором в раскрытии внутреннего мира и психологии главного героя Саадака автору помогает прием

параллельного повествования о другом главном герое произведения – скакуне Сарале. В насыщенных эпитетами и сравнениями строках романа воспет образ коня Саралы: «несравненный Сарала», «легконогий скакун Сарала, на бегу ты похож на орла», «Сарала – это не конь, а летящее крыло» [4, с. 149]. Под стать своему хозяину – прославленному охотнику Саадаку – Сарала назван «на лету настигающим птицу», на скачках обгоняющим всех скакунов. В честь победителя скачек Саралы поют древнее песнопение: «Кобылицы степной жеребенок – ты победил! Хондергейскою степью рожденный – ты победил!» [Там же, с. 196].

Одним из первых Саадак вступил в сельскохозяйственную артель, но не смог отдать своего любимца в общее хозяйство, слишком много значил для него Сарала, понимавший каждое слово, движение хозяина. Однако на войну с фашистами в помощь Красной Армии он его отправляет: «Отрываю от сердца ныне то, что крепко любил, как жизнь! Пусть он в бой, словно ветер, мчится, будет тверд в огне, как скала, – на лету настигающий птицу, мой буланный скакун Сарала!» [Там же, с. 201]. Так, в образе Саадака сконцентрированы морально-этические и патриотические черты тувинского народа, отражающие наиболее глубокую концепцию мира и человека, проверенную временем и использованную для показа сознания народа в военные годы, готового пожертвовать самым дорогим во имя мира на земле.

В радости ли, в горести ли два друга, конь и человек, Саадак и Сарала вместе, именно коню поверяет свои мысли, чувства, сомнения главный герой романа. Как отмечает тувинский исследователь З. Самдан, «внутренние монологи-обращения Саадака к коню, как и в фольклоре, выступают художественными приемами психологического анализа» [7, с. 54]. Так, для усиления эмоционально-экспрессивной оценки образа коня в текст введено лирическое начало, которое проявляется в мастерстве писателя передавать внутренний мир героев, лиризме повествования, романтическом пафосе, монологичности. При переправе через широкую реку, когда Сарала повел за собой остальных лошадей, Саадак обращается к своему бесстрашному коню: «Мой конь, мой верный друг, – плыви, плыви! Вот так – достоин ты моей любви! Ты восходил к вершинам снежных гор, ты рысей настигал, победой горд, степями мчался, не жалея сил, – и редкую добычу приносил! Не поддавайся бешенству реки – не силы, честь свою ты береги!» [4, с. 229].

Традиционный для мифологической системы тюркских народов образ всадника находит своеобразную творческую реализацию и в произведениях алтайских прозаиков. Во все времена лошадь была помощником человека, особенно в годы Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы: нет ни одной тяжелой работы, которую бы она не выполняла – весной на пашне, летом на сенокосе, осенью на хлебоуборке, зимой на лесозаготовках. Именно таких трудяг изображает Э. Палкин в романе «Алан» (1978): хромую на ногу Рыжуху, грустную Саврасую, остроухого, с горделивым взглядом двухлетку Кускуна, старую Гнедую с прогнутой сильно спиной, горячего жеребца Серого. Вместе пройдя испытания военного времени, конь и человек стали особенно близки. Для Алана коня является не только необходимой в домашнем хозяйстве тягловой силой, но и животным, обладающим индивидуальными повадками, норовом, даже характером как у человека. Например, о Гнедом говорится «лошадь уважаемая». «Прежде, долгое время, Алан ее не любил, пока не разобрался, что это отменный вожак табуна, умеющий находить лучшие места кормежки» [6, с. 269]. Достоинством Гнедого Алан считает его смирный характер: «Перед мордой его пройдешь, плечом чуть не заденешь, перевесишься на нем – не шелохнется. Будто всегда мирно дремлет, ни на что не обращает внимания. Среди людей такие тоже бывают: ни о чем не горюют, ни на что не сердятся, всегда спокойные, ладные. На таких вот и нагружают» [Там же, с. 239].

Об особом отношении алтайца к коню, сформированному на протяжении многих столетий совместного сосуществования, говорят слова Алана: «Милый ты мой конь. Мой надежнейший друг. Человеку ты приносил всегда одно хорошее. Всегда был помощником! Не жалел для человека своих сил!» [Там же, с. 51]. Так Алан обращается к своему коню Пегому, остановившись на ночлег в тайге. Здесь выражается позиция родовых взглядов «своей-чужой», распространенная в фольклоре, когда статус любого действующего лица в одной или нескольких семантических сферах оценивается как «свой» или «чужой», «высокий» или «низкий» по отношению к занимаемому героем статусу [8, с. 245]. Темной ночью в глухой тайге конь Пегий кажется Алану особенно родным и близким, то есть «своим», в противоположность всему тому, что приносит дискомфорт герою: «непроглядная ночь», «глушь», «чужие деревья», которые «сердито говорят о чем-то друг с другом». Алану вспоминается, что отец о коне говорил: «Чудное животное, ты рядом – и, значит, мы здесь вдвоем. И пусть кругом темень. И – глушь. Шумят в непроглядной ночи чужие деревья. Но мы вдвоем, и сердцу спокойнее» [6, с. 51]. Сформированная автором художественная модель с участием образа коня, как одного из составляющих компонентов «своего» пространства, выражает органическую связь человека и природы через сближение главного героя и его коня.

У алтайцев глубоким уважением и особым почитанием пользуются табунщики. Об этом передаваемом из поколения в поколение в романе Э. Палкина говорится «должность, достойная мужчины», «сын Токтубая занимается делом отца. В его жилах течет кровь табунщика. Потому как-то особенно дорого ему слышать ржание коней» [Там же, с. 152]. «Табунщик – звучит-то как здорово!», – восхищается табунщиком Ярой главный герой повести другого алтайского писателя Б. Укачина «Убить бы мне голод ...» [9]. В сознании героя-мальчика внешне не очень привлекательный табунщик Яра (он немного косоглаз и с вывернутыми губами), подобен богатырям героического эпоса, поскольку он храбр, смел, силен, и один ночует в глухой и таинственной тайге. Стальной масти, с подтянутым животом, красивой головой, высокий и тонконогий его конь подобен быстрокрылой птице, каким и должен быть конь настоящего табунщика.

В повести Б. Укачина с образом коня связан инициационный этап, знаменующий переход главного героя на новую ступень развития. По сюжету повести прошел год, мальчик стал человеком самостоятельным, теперь он – табунщик, способный объезжать строптивых коней, как взрослый. Он гордился тем, что люди его сравнивают с отцом, который был отменным табунщиком, лучшего которого никто коней не объезжал. Здесь умение объезжать коней, считающееся достоинством алтайского мужчины, знаменует переход героя повести от детства к взрослому возрасту. Следует отметить, укорененная в сознании алтайского народа

традиция, согласно которой сын наследует достойную и всеми уважаемую профессию отца – табунщика, находит свое творческое воплощение и в других литературах Саяно-Алтая. К примеру, вспомним степняка-хакаса Сагдая и его сына Сабиса в романе Н. Доможакова «В далеком аале» [3] или арата Саадака и его сынишку Чакпажыка в романе М. Кенин-Лопсана «Настигающий птицу» [4].

Таким образом, типологически сходный по своим функциональным возможностям в фольклорно-мифологической традиции тюркских народов образ коня в художественной литературе продолжает оставаться одним из основных слагаемых национальной модели и картины мира алтайцев, тувинцев, хакасов. В освоении образа коня в национальных литературах много как типологического, так и своеобразного: в хакасском романе Н. Доможакова «В далеком аале» образ коня необходим в раскрытии характеров героев, для изображения его окружающего мира; в романе М. Кенин-Лопсана «Стремнина Великой реки» конь является главным героем произведения, достойным воспевания и восхищения; в алтайской прозе конь изображается не только как вечный спутник и преданный помощник человека, но и как равноправный партнер тандема «человек и конь». Объединяя тюркские народы как представителей кочевой культуры, образ коня свидетельствует об этнопоэтическом единстве национальных литератур народов Саяно-Алтая.

Список литературы

1. Антошин К. Ф. Жизнь молодой литературы. Красноярск: Красноярское кн. изд-во, 1967. 73 с.
2. Балданов С. Ж., Бадмаев Б. Б., Буянтуева Г. Ц-Д. Литература народов Сибири: этнотрадиция, фольклорно-этнографический контекст. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2008. 304 с.
3. Доможаков Н. Г. В далеком аале: роман / пер. с хакасского Г. Сысолятина. М.: Современник, 1974. 287 с.
4. Кенин-Лопсан М. Б. Настигающий птицу: лиро-эпический роман / пер. с тувинского С. Козловой. М.: Сов. Россия, 1987. 272 с.
5. Липец Р. С. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 264 с.
6. Палкин А. Алан: роман / пер. с алтайского В. Чукурева. М.: Современник, 1983. 304 с.
7. Самдан З. Б. От фольклора к литературе. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1987. 80 с.
8. Типологические исследования по фольклору / АН СССР; Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1975. 320 с.
9. Укачин Б. Повести / пер. с алтайского В. Крупина и А. Китайника. М.: Современник, 1983. 208 с.
10. Хакасский героический эпос: Ай Хуучин / Институт Филологии СО РАН; ХакНИИЯЛИ; АМУ; вступ. ст., прим. и коммент. В. Е. Майногашевой. Новосибирск: Наука, 1997. 479 с.

ARTISTIC IMAGE OF HORSE IN LITERATURE OF SAYAN-ALTAY PEOPLE

Cheltygmasheva Larisa Viktorovna, Ph. D. in Philology
Khakassia Scientific Research Institute of Language, Literature and History
cheltygmasheval@mail.ru

The article considers the national writers' artistic study of horse image which is one of the main components of national model and world picture of Altaians, Tuvinians, Khakasses. The author pays a special attention to disclosing both typologically similar and original in the artistic personification of horse image in the novels of the Altain E. Palkin's "Alain", the Tuvinian M. Kenin-Lopsan's "Raid of Great River", the Khakass N. Domozhakov's "In Far Aal".

Key words and phrases: literature of Sayan-Altay people; horse image; typology; ethno-poetic originality; artistic functions.

УДК 811.512.153

Филологические науки

В данной статье излагаются результаты исследования моделей простых предложений, построенных по структурной схеме $\{N_1 N_{10} V_{дв}\}$. Эти модели характеризуют движение, ориентированное относительно трассы перемещения. Позицию локализатора в продольно-направительном падеже занимают слова с пространственной семантикой, указывая на среду и непосредственный путь передвижения (чол=ч,а по дороге, нук=че по лугу, суг=ч,а по воде и др.). Выявлено и проанализировано одиннадцать таких моделей.

Ключевые слова и фразы: модель движения; трасса передвижения; предикаты движения; локализатор; продольно-направительный падеж; послелог; служебные имена.

Чугунекова Алена Николаевна, к. филол. н., доцент
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Chugunekowa@yandex.ru

МОДЕЛИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ, ПОСТРОЕННЫЕ ПО СТРУКТУРНОЙ СХЕМЕ $\{N_1 N_{10} V_{дв}\}$ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА) ©

Основной задачей данной статьи является выявление и описание формально-семантических моделей простых предложений, которые формируются глаголами поступательного движения. Описание формальной